

МАРИЯ ВОЛКОНСКАЯ

БЕЛЫЙ ИНЕЙ, ЧЕРНЫЙ СЛЕД

Пашка ненавидел, когда взрослые говорили шепотом. От этого у него внутри все сжималось, по телу пробежали дрыжики, и хотелось спрятаться.

Последние две недели родители вечерами шептались на кухне и замолкали сразу же, как только Пашка входил.

— Что опять? — устало вздыхала мама.

— Водички. — Пашка сонно улыбался.

Мама наливала теплой воды из чайника в кружку с Человеком-пауком.

— Пей и шуруй в кровать, понял? — Папа притворно хмурился.

Пашка цедил воду маленькими глотками, пытаясь запомнить отдельные фразы, чтобы потом пересказать Андрею. Он на целых три года старше — разберется.

— А если она газ забудет выключить? — говорила мама. — А если дверь не закроет? Обворуют еще...

— Да что там брать-то. — Папа раздражался. — Ну куда ее, Ксюша? Самим развернуться негде.

— Это на две недели максимум, пока путевку в «Березку» не оформят. Она же не помеха, спит почти все время... — тихо ответила мама. Пашке показалось, что она готова расплакаться.

Слово «помеха» Паша понял. Оно означало что-то лишнее, что мешает пройти, вроде велосипеда посреди коридора или неубранного перед сном леги.

Сегодня Пашка не находил себе места. Андрей уткнулся в телефон, ловил момент, пока родители уехали. Бесило то, что он даже не разрешал Пашке наблюдать за игрой, отворачивая от него экран.

— Давай я тебе стишок расскажу? — спросил Пашка.

— Ты его уже десять раз рассказывал, успокойся, — буркнул Андрей.

— А вдруг забуду? — Пашке стало очень тревожно. Вдруг и вправду забудет? Тогда никаких подарков от Деда Мороза не получит. — По сугробам напрямик шел веселый снеговик...

— Пашка! Ну хорош уже!

Пашка осекся и надулся. Раньше брат не был таким вредным. Мама говорила, что так проявляется переходный возраст. Что бы это ни означало, Пашка таким противным никогда не будет.

Послышался звук папиных бряцающих ключей. Входная дверь скрипнула, и в зале появились родители.

За ними, маленькая и сгорбленная, вошла бабушка. Она несла в руках клетчатую сумку, набитую до отказа, и смотрела себе под ноги, будто боялась споткнуться.

Квартира, и так загроможденная детскими вещами, книжными стеллажами до потолка и гигантским угловым диваном, съежилась еще сильнее.

— Мама, садись.

Бабушка опустила авоську на пол, села на край дивана, не снимая пальто, и сложила руки на коленях. Раньше Пашка не замечал, какая у нее сухая кожа — вся покрытая темными пятнышками.

— Давай переоденемся, и я тебя укрою.

Мама говорила громко и четко, как в рекламе йогурта. Бабушка смотрела куда-то в сторону и жевала беззубым ртом вафлю. Крошки сыпались на новый, купленный специально к ее приезду плед.

«Как будто она не человек, а большой непослушный ребенок», — подумал Пашка и тут же испугался этой мысли.

Бабушка была бабушкой. Она разрешала смотреть мультики до самого вечера и всегда готова была пожарить ему блины. Хоть три раза в день.

А теперь бабуля сидела молча, и в ее глазах плавало что-то мутное и далекое.

— Андрюш, ну помоги же! — Мама сгребла в охапку бабушкины узлы и коробки. — Паш, не крутись под ногами! Иди посиди с бабушкой.

Андрей издал долгий страдальческий вздох, но сунул смартфон в карман. Снаружи остался болтаться брелок — толстенькая зеленая фигурка с грустным лицом. Крипер, подаренный дядей Колей в прошлом году.

Пашка тогда выл целый вечер, потому что тоже такой хотел. Но Андрей, пряча драгоценность в кулак,

сказал: «У тебя, Пашка, даже ключей от дома еще нет. Вот будут ключи — будет и брелок. Договорились?» А сам на чехол от телефона повесил. Чтоб каждый день Пашку дразнить.

Паша пристроился на диван рядом с бабушкой, уловил запах мятной мази и чего-то кислого и почесал нос.

— Здравствуй, бабушка.

Та подняла глаза и тихо спросила:

— Лёнечка, мандарины купили? На Новый год без мандаринов нельзя.

Паша кивнул, хотя не понимал, как связаны мандарины и Новый год. Их ведь покупали и летом. Кто такой Лёнечка, Пашка тоже не знал.

Вечером, после ужина с гречневой кашей, родители уложили бабушку на диван. Она сразу свернулась калачиком и закрыла глаза, но Паше казалось, что она не спит, а просто лежит, слушая, как в квартире скрипят полы и тихо разговаривают взрослые.

Мама сняла со стены старый календарь с зеленым питоном в красной шапочке и повесила новый, с лошадкой. Смысла календаря Пашка не понимал, все равно им никто не пользовался. Но каждый год перед праздниками папе на работе выдавали новый, и Пашка до сих пор хранил дракона, вырезанного из одного такого.

Пашка снова подумал про подарки.

— Мам, а когда Дед Мороз придет? — спросил он, усаживаясь на ковер перед телевизором.

— Ночью, — уверенно заявила мама.

— Как же я хочу его увидеть! — мечтательно произнес Пашка. — Хоть бы одним глазком!

— Все, дети, пять минут мультиков и спать.

Едва она вышла, Андрей хмыкнул и пробормотал обидное:

— Малышня. Тебе уже шесть, а ты в сказки веришь.

— Ты что, шутишь? — Пашка понял, что оттопырил нижнюю губу, хотя плакать не хотел. Вот честно, не хотел. — Не придет?

Он замер в ожидании, с надеждой глядя на брата, и тот неожиданно смягчился:

— Ну, если честно, я его в детстве видел. Так что, может, и придет. Ты ж стишок выучил... Позовешь, и...

Бабушка вдруг зашевелилась. Ее голова медленно повернулась, мутные глаза нашли Андрея и остановились на нем. Губы, обведенные глубокими, как трещины, морщинами, шевельнулись.

— Спи, дитятко, не шуми... — прошипела она тихо.

Пашка кинулся за пультом и выключил в телеке звук.

— Что, бабуль? — Андрей насторожился.

— Дед идет из-под горы... — Ее голос стал чуть громче. — По сугробам, по лесам, по замерзшим небесам...

Паше стало не по себе. Бабушка смотрела не на них, а куда-то в стену.

— Он идет, и тень длинна, за спиной его — луна... Он заглянет в каждый дом, станет дымом за окном...

— Ба, ну хватит, — засмеялся Андрей, но смешок получился нервным. — Это ты нам колыбельную перед сном решила спеть?

Бабушка резко дернула головой. Взгляд ее на миг прояснился, стал острым и страшным. Она устала

прямо на старшего внука, и Паше показалось, что она узнала Андрея.

— Белый иней, черный след, — выдохнула она. — Карачун идет на свет. Кто глядит — того возьмет. Кто зовет — того найдет. Не зови деда. Ой, не зови...

Последние слова тяжело повисли в тишине. Паша съежился, по телу побежали мурашки. На кухне крякнул и затих холодильник.

Андрей снова фыркнул:

— Ну и страшилка. Спасибо, бабуль, новогоднее настроение обеспечено. Пойдем спать, малой.

Пашка лежал, уставившись в потолок.

— Андрей, — прошептал он. — Спишь?

— Нет. Чего тебе?

— А принеси молока с печеньками, — попросил Пашка и закусил губу. Только бы не отказал — самому идти страшно. — Пожалуйста.

— Ты что, голодный? Мы ж только что ели.

— Ну, Андрю-ю-шенька, — протянул плаксиво Пашка.

— Ладно, — зашуршало одеяло, и брат пошел на кухню.

Вернулся он с тарелкой Орео и стаканом молока. Пашка сглотнул слюну.

— Ну... — Андрей упер руки в боки. — Ешь. Кружку твою не нашел.

— Я уже не хочу, — соврал Пашка.

— Обманщик ты, — хмыкнул Андрей. — Признайся, ты это для Деда Мороза просил.

Пашка захихикал, а брат подошел к окну. Стекло было черным, в нем отражалась тусклая полоска ночника.

— Чего ты?

— Ничего. Просто... — Андрей приложил ладонь к холодному стеклу. — Интересно, а если этого деда позвать по-настоящему, он правда придет?

— Ты чего? Бабка же сказала...

— Бабка у нас, извини, не в себе. Ерунду всякую придумывает. — В голосе брата слышался вызов. Если уж Андрей что-то задумает... После такого им обычно здорово доставалось. — Ну-ка, Дедушка Мороз... Или Ка-ра-чун... — произнес он по слогам. — Покажись, если ты есть. Мы ждем. Очень хотим тебя увидеть. Приглашаем, так сказать.

Паше показалось, что за окном что-то глухо хрустнуло. Как будто огромная ветка сломалась под тяжестью снега.

Андрей вернулся в кровать.

— Все, спи. Шутка.

Но Паша не мог уснуть. Он лежал и смотрел в потолок, где от фар проезжающих по улице машин ползали желтые пятна. И тихо, про себя, повторял бабушкины слова: *«Белый иней, черный след...»*

Стекло вдруг покрылось густым колючим узором. Как будто снаружи на него подышали.

Паша сел на кровати. Андрей уже спал, повернувшись к стене.

И тогда Пашка увидел в заиндевавшем окне расплывчатые пятна. Он, затаив дыхание, присмотрелся. Из мутной белизны проступали очертания больших, очень больших животных с огромными ломаными ветками на головах. Они двигались, мотая косматыми головами, а от тел их валил пар, как от паровоза в мультике.

«Лоси. А должны быть олени или лошади».

— Андрей, — прошептал Паша. — Андрей, проснись.

— Мм? — Брат повернулся, протирая глаза. — Чего опять?

— Смотри, — таинственно прошептал Паша, указывая пальцем.

Андрей нехотя приподнялся на локте и посмотрел. На его лице сначала отразилось привычное раздражение, но он быстро сполз с кровати и подошел ближе, прилипнув лбом к холодному стеклу.

— Дыши, — скомандовал он Пашке. — Быстро!

Паша подбежал и, встав на цыпочки, изо всех силдохнул на стекло рядом с братом. Теплый влажный воздух растопил колючий иней, образовав мутное круглое окошко. Андрей протер его рукавом пижамы.

За окном, в синей мгле зимней ночи, стояли сани. Не яркие, красно-золотые, как на открытках, а какие-то темные, грубые, будто сбитые из черных досок. И перед ними топтались те самые лоси. На картинке в энциклопедии они были красивые, а эти... У этих рога были похожи на голые кривые деревья после пожара, и казалось, отростки рогов шевелятся сами по себе.

— Андрей, а это что? — тихо спросил Пашка, тыча пальцем в стекло.

На борту саней, переливаясь тусклым, влажным блеском, висели длинные толстые гирлянды. Они были неровными и бугристыми.

— Он их что, сосисками украсил? На праздник?

Андрей не ответил. Он вдруг резко дернулся назад, отшатнувшись от окна. Наверное, он увидел то, чего не смог рассмотреть Пашка.

— В шкаф, — хрипло выдохнул брат. — Быстро, Пашка! Прячься!

Андрей схватил брата и почти швырнул его вглубь старого платяного шкафа. Одежда на вешалках закачалась, ударив Пашку по лицу.

— Сиди тихо и не вылезай, что бы ни случилось! Ни звука! Понял?! — прошипел Андрей, и в его глазах горел такой страх, что Паша, онемев, только кивнул.

Дверца шкафа захлопнулась, оставив лишь тонкую щелку. Паша приник к ней и понял, что его тошнит от страха.

В комнате стало стремительно холодать. Через щель Пашка видел, как брат метнулся под кровать.

Кто-то спрыгнул на пол с подоконника.

Паша не видел лица. Он видел только низ.

Огромные стоптанные сапоги мехом наружу, с налипшими по краям грязными сосульками. И полы длинного тулупа цвета промерзшей земли, с которых осыпался мелкий сухой иней, шипя и тая на линолеуме.

Существо подошло к столу. Раздался тонкий, хрустальный «бряк». Это папин граненый стакан стукнулся о блюдо, задетый краем тулупа.

Пашка замер, прижавшись спиной к стене.

Послышался звук. Мягкий, влажный хлопок, какой бывает, когда разбивается о стену снежок из водянистого позднего снега. В полосе лунного света

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

